

Максим Горький

Шабры

Максим Горький

Шабры

«Public Domain»

1896

Горький М.

Шабры / М. Горький — «Public Domain», 1896

«...Тяжело дыша и фыркая, усталая лошаdёнка Комова вывезла телегу на вершину холма и, понутив голову, стала, широко раздувая бока.— Ах ты, привередница, — добродушно проворчал хозяин и спрыгнул на землю, желая поправить сбрую. Он был настроен великолепно. Поездка в город удалась ему как нельзя более хорошо, он выгодно продал пару боровов и телёнка, условился с одним купцом насчёт одной работы на зиму и даже задаток получил с него, купил своему парнишке Федьке сапоги, девчонкам — по платку, жене — покрышку на шубу, потом разных городских гостинцев. И не раз он уже мечтал дорогой, как это он приедет домой...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Максим Горький

Шабры

1

...Тяжело дыша и фыркающая, усталая лошаде́нка Комова вывезла телегу на вершину холма и, понури́в голову, стала, широко раздувая бока.

– Ах ты, привередница, – добродушно проворчал хозяин и спрыгнул на землю, желая поправить сбрую.

Он был настроен великолепно. Поездка в город удалась ему как нельзя более хорошо, он выгодно продал пару боровов и телёнка, условился с одним купцом насчёт одной работы на зиму и даже задаток получил с него, купил своему парнишке Фёдке сапоги, девчонкам – по платку, жене – покрывало на шубу, потом разных городских гостинцев. И не раз он уже мечтал дорогой, как это он приедет домой, ребятишки обступят его и будут ныть:

– Тя-атенька, покажи, чай, чего привёз?!

Жена тоже будет довольна. Потом сядут пить чай. Придёт кто-нибудь из знакомых и станет спрашивать насчёт города, как там цена на хлеб стоит, много ли его, и нет ли какого разговору насчет земли.

– Стой, дурёха! – прикрикнул Комов на лошадь. У неё была стёрта хомутом кожа на плече, и она шарахнулась в сторону, когда Комов стал поправлять хомут. С холма пред Комовым развёртывалась широкая картина, выписанная тусклыми, как бы выцветшими красками осени.

Прозрачный воздух открывал далёкие горизонты, во все стороны тянулись пустынные, щетинистые поля. Кое-где на них возвышались копны хлеба, зелёные полосы озимей резко бросались в глаза, маленькие рощи были расцвечены в краски, ярко-рыжеватые одинокие деревья и кусты стояли среди полей, почти уже оголённые ветром осени. Дороги тёмными лентами вились по полям. И на всём лежал этот странный, как бы пропитанный туманом колорит старых, выцветших от солнца картин.

Солнце лило с безоблачного неба на эту холмистую равнину холодный свет, и меланхолия увядания не оживлялась этими неласковыми лучами. Точно в солнце угасли страсти, и оно светит земле по обязанности. И в резких порывах ветра чувилось холодное веяние зимы.

Комов посмотрел на всё это и вздохнул. Просто так вздохнул – без грусти и без удовольствия. Более сорока раз встречал он в своей жизни осень, самое сытное время для мужика. Он впрыгнул на телегу, ударил лошаде́нку вожжами и крикнул ей:

– Н-но, шагай, милая!

До деревни осталось вёрст с двадцать, а солнце уже было низко.

– А не подвезёшь ты меня малость, добрый человек? – раздался спокойный, немного хриплый голос сзади Комова.

Он даже вздрогнул. За задок телеги держался рукой высокий человек в толстом рваном пальто, подпоясанном красным кушаком. На голове у него была плотно надета меховая шапка с наушниками, в руке он держал здоровую палку из берёзы с обделанным на конце корнем, величиной с мужицкий кулак. Лицо его было как будто знакомо Комову. Когда Комов обернулся и взглянул на него, тот поклонился ему, а Комов ответил на поклон нерешительно и с некоторой тревогой сказал:

– Пристала лошаде́нка-то у меня...

– Да ведь дорога-то под гору...

– Оно так... Садись ин, для бога... Садись вот, рядом-то.

¹ *Шабёр* – сосед – *Ред.*

Тот положил вдоль телеги свою палку, сел на неё и, сунув руку за пазуху, улыбаясь, сказал:

– Ну, вот и спасибо... Вёрст пяток с костей долой.

Потом вынул кисет и, наклонясь над ним, стал набивать трубку. Тревога Комова несколько уменьшилась, когда попутчик положил свою палку, и он стал соображать, где это он видел такого человека? Думая об этом, он думал также и о том, что местом они едут глухим и что, хоть и слышно, как молотят в Осинках, но, ежели кричать придется, – едва ли кто услышит. Осторожно запустив левую руку в карман штанов, он набрал в руку штуки четыре крупных медных денег и крепко сжал их в пальцах. В случае чего – всё-таки тяжелее ударишь.

Пожалуй, этот парень помоложе лет на десять, да и посильнее его – вон шея-то какая!

А парень курил трубку, спокойно смотрел вокруг и молчал, болтая ногами в новых лаптях и онучах.

– Далече тебе? – спросил Комов, искоса следивший за ним.

– До Сояновки...

– Н-ну? А я ведь сам сояновский, – с удовольствием вскричал Комов. Коли этот человек едет в одну деревню с ним, – значит, никакого греха не может быть... – Ишь ведь... К кому же ты... по каким делам, собственно? То-то я тебя как бы видал где, лицо у тебя будто знакомо мне... Ты в батраках у Сизова купца не жывал ли?

– В батраках я не жывал, – вполголоса ответил попутчик и, спрятав трубку в карман, поднял несколько шапку со лба.

– Та-ак, – сказал Комов, – значит, по своим делам? Чьих же ты будешь?

Тогда попутчик тихонько засмеялся и негромко сказал:

– Эко память у тебя какая стала, Игнат Иваныч! Больше тридцати годов мы с тобой бок о бок жили и землю тоже рядышком всегда ковыряли... А пяти годов не прошло – и забыл ты шабра...

– Тпру-у! Стой! – вдруг зашептал лошади Комов, дёргая её вожжами, хотя она уже встала. У него сразу вспотел лоб и шапка съехала на затылок. И ему казалось, что доносившийся издали шум молотьбы раздаётся теперь в его груди и голове.

– Николай! – схватив шабра за плечо, зашептал он с ужасом на лице, оглядываясь вокруг, прислушиваясь и вздрагивая. – Как же ты? Ведь на двенадцать лет тебя?.. Сбёг, значит? Ах ты... как же это? а? Я-то... посуди сам...

– Ты не бойся, – спокойно сказал Николай, ударяя своего шабра по колену и посмеиваясь. – Ничего не будет... ни тебе... ни кому... Я сбежать-то сбежал, но хватиться меня не могут там... Так устроено. Ведь розыска обо мне не было?

– Не было, брат, не было, но что-что... А всё-таки – разве можно этак, без опаски?

Вот мне, например, объявился...

– Так, чай, ты какой мне друг... старинный... – ласково улыбаясь, сказал Николай.

– Да ведь другие узнают! – вскричал тревожно Комов.

Лошадь шла шагом, а седоки, не обращая более внимания на неё, смотрели друг на друга с самыми разнообразными чувствами. Комову было страшно. Вот он везёт к себе в деревню человека, осуждённого за убийство конокрада на двенадцать лет каторги. Положим, не один он виноват в этом деле, но он осуждён и бежал с каторги. Что он за человек теперь? Раньше, до того дела, Николай Брагин хороший мужик был, и с Комовым они жили душа в душу. Комов вспомнил, как он был дружкой у Николая, а потом Николай пировал на его свадьбе, и как они, бывало, одолжались друг у друга разной разностью. Вообще примерно, хорошо жили. Но теперь, после каторги, что за человек стал Николай?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.